

А. А. ФУРСЕНКО

МАТЕРИАЛЫ О КОРРУПЦИИ ЦАРСКОЙ БЮРОКРАТИИ

(По бумагам К. А. Скальковского)

Настоящая заметка базируется на материалах личного архива одного из высокопоставленных царских чиновников — К. А. Скальковского, в частности на его переписке с парижским банком Ротшильдов.¹

Как известно, банк Ротшильдов являлся одной из крупнейших монополий, претендовавших на командную роль в нефтяной промышленности России — важной отрасли русской экономики. Для достижения своих целей Ротшильды использовали различные средства воздействия на царское правительство, в том числе прямой подкуп высокопоставленных чиновников, от которых зависело получение тех или иных концессий или уступок. Примером того, как это делалось, и могут служить отношения парижских банкиров со Скальковским — одним из руководителей Горного департамента Министерства государственных имуществ, которому была подведомственна нефтяная промышленность.

¹ Часть переписки К. А. Скальковского хранится в рукописном собрании ЛОИИ, другая часть — в архиве ИРЛИ (Пушкинского Дома).

В 1886 г. Ротшильды основали свое первое крупное предприятие в России — Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество. Этим же временем, судя по архивной переписке, датируется и установление контакта со Скальковским, который уже тогда занимал руководящий пост в Горном департаменте. Поступив на службу в департамент в 1863 г., он в 1885 г. был назначен помощником директора, а спустя 6 лет, в апреле 1891 г., — директором департамента, пробыв на этом посту вплоть до ухода в отставку в мае 1896 г.²

Как следует из переписки Скальковского с директорами фирмы Ротшильдов, уже с середины 80-х годов он находился на содержании парижских банкиров, взамен этого оказывая им необходимую поддержку и снабжая различного рода информацией, а также «консультируя» Ротшильдов по вопросам, связанным с деятельностью их предприятий в России. Переписка содержит многочисленные свидетельства этому. Так, например, в марте 1890 г. в Петербурге было созвано совещание по вопросу о правилах распределения вагонов-цистерн для перевозки нефти по Закавказской железной дороге. Правила эти были в июне 1889 г. изменены под давлением и в интересах Нобеля, в связи с чем большая группа нефтепромышленников выступила с протестом, к которому присоединились Ротшильды.³ Вследствие этого и было созвано указанное совещание, накануне открытия которого один из директоров фирмы Ротшильдов — Бэр — просил Скальковского «сделать так, чтобы не было принято никакого решения, которое могло бы противоречить нашим интересам». «Это будет тем более легко, — писал он, — что наши интересы те же самые, что и интересы других промышленников (исключая Н[обеля])». ⁴ К Скальковскому обращались также для того, чтобы узнать заранее условия торгов нефтеносных земель и изменения железнодорожных тарифов на перевозку нефти.⁵ Он «консультировал» французских дельцов, приезжавших в Петербург в поисках легкой наживы.⁶ Благодаря содействию Скальковского Ротшильды сумели значительно расширить Каспийско-Черноморское общество, увеличив в несколько раз его первоначальный капитал (с 1,5 до 6 млн руб.).

² Послужной список К. А. Скальковского (ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 52, д. 633, лл. 27—63).

³ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. М.—Л., 1961, стр. 126—128, 674.

⁴ Бэр — Скальковскому, 13 (25) марта 1890 г. (ЛОИИ, ф. 202, д. 21, карт. 3, л. 167).

⁵ См.: Бэр — Скальковскому, 18 (30) января, 25 июня (7 июля) 1890 г.; 24 августа (5 сентября) 1891 г.; 10 (22) июля 1892 г.; 22 мая (3 июня) 1893 г.; 5 (17) октября 1894 г.; 28 декабря 1895 г. (9 января 1896 г.) (там же, лл. 164, 173—174, 201, 211—212, 220—221, 240—241, 252—253).

⁶ Бэр — Скальковскому, 23 мая (4 июня) 1890 г.; 26 марта (7 апреля) 1891 г. (там же, лл. 72—73, 184—185).

По условиям царского законодательства увеличение капитала акционерных предприятий могло состояться только при наличии правительственной санкции. В конце 80-х годов Ротшильды неоднократно пытались добиться такой санкции, но осуществить это удалось только в начале 90-х годов при содействии Скальковского. Выражая ему по этому поводу признательность, Бэр писал: «Наш вопрос об увеличении капитала фактически урегулирован. Я благодарен Вам за это. Ваш заказ будет выполнен после 1 января будущего года».⁷

Это письмо, как, впрочем, и вся переписка, не оставляет сомнений в том, что старания Скальковского не были бескорыстными. Хотя завуалированные выражения писем Бэра не позволяют с абсолютной точностью установить, как именно расплачивались Ротшильды за услугу Скальковского, даже и то, чем мы располагаем, в сопоставлении с практикой отношений Скальковского в других аналогичных случаях дает представление об этой стороне дела.

Общий тон переписки, составленные в повелительной манере запросы, самый характер поручений едва ли оставляют сомнения в том, что так можно было обращаться только к лицу, получающему за свои услуги соответствующее вознаграждение и связанному, таким образом, определенными обязательствами. Как можно заключить из переписки с Бэром, Скальковский получал ежегодно какое-то регулярное вознаграждение. Не исключено также, что ему был выделен небольшой пакет акций ротшильдовских предприятий, подобно тому, как это имело место в отношении Международного банка.⁸ Но даже и это, видимо, было не самым существенным. А главное, что благодаря своим отношениям с деловыми кругами и при их посредничестве Скальковский, хорошо ориентируясь в биржевых курсах акций, вел игру на бирже,⁹ доходы от которой во много раз превышали любой гонорар. Это была настоящая взятка, но в замаскированной форме. Впрочем, наряду с этим Скальковский не пренебрегал взятками и в самом элементарном виде, будь то деньгами или чем иным.

Скудные данные, которые содержат на этот счет письма Ротшильдов, полностью подтверждаются перепиской Скальковского с другими корреспондентами, существенно дополняющей картину его отношений с представителями делового мира. Если в письмах

⁷ Бэр — Скальковскому, 28 декабря 1895 г. (9 января 1896 г.) (там же, лл. 252—253).

⁸ Согласно спискам акционеров Петербургского международного коммерческого банка, Скальковский в апреле 1893 г. владел 25 акциями, в апреле 1894 г. — 40, в мае 1898 г. — 99 (ЦГИА СССР, ф. 626, оп. 1, д. 1, лл. 35, 37; д. 5, л. 17).

⁹ Об этом свидетельствует переписка с директорами Петербургского международного коммерческого банка А. Кохом, Учетного и Ссудного — Д. Петрокино, бакинским нефтепромышленником А. И. Манташевым и другими, с которыми Скальковский, подобно Ротшильдам, поддерживал близкие отношения.

Бэра, составленных в изящной французской манере, можно лишь по косвенным данным и намекам установить, что Скальковский получал от Ротшильдов за свои услуги вознаграждение, то в грубоватых, пестрящих грамматическими ошибками посланиях одного из нефтяных королей Баку — А. И. Манташева — все выглядело много проще. То, что Ротшильды скрывали за изысканными выражениями, Манташев называл своими именами. Со свойственной ему грубой прямолинейностью Манташев без обиняков благодарил Скальковского «за внимание, что вы не забываете меня при выгодных предприятиях», а отправляя подношения, всякий раз прямо писал об этом («Прошу принять присылаемую икру» или «Присылаю при сем, многоуважаемый Константин Аполлонович, два ковра. При первой встрече расскажу я вам о причинах неполучения вами присланного мною в прошлом году ковра» и т. п.).¹⁰ Не менее распространенной формой взятки были подарки «приятельницам» Скальковского — непременно персонажам его переписки — «знатым» парижским кокоткам Фуфу, Марго, Манон и др.¹¹

Как и многие представители русской знати, Скальковский ежегодно ездил за границу и проводил свой отпуск во Франции. Здесь образовался своеобразный кружок, состоявший из завсегдатаев французской Ривьеры и регулярно посещавших Париж царских сановников, а также директоров ряда русских банков и промышленных компаний, связанных, кроме чисто деловых отношений, совместным участием в развлечениях, которыми так славилась французская столица. Чтобы сделать приятным пребывание царских сановников в Париже, не скупилась на средства и Ротшильды. Они предоставляли в распоряжение Скальковского свою ложу в опере, устраивали в его честь приемы и вскоре после назначения Скальковского директором Горного департамента выхлопотали для него высшую французскую награду — орден Почетного легиона.

Все это едва ли представляло бы интерес, если бы не характеризовало обстановки, в которой принимались решения, затрагивавшие национальные судьбы России, и не свидетельствовало о глубочайшем разложении, которое переживала царская бюро-

¹⁰ Манташев — Скальковскому, 11 (23) марта 1886 г.; 13 (25) октября 1892 г.; 28 января (9 февраля) 1894 г.; 24 января (5 февраля) 1895 г. (ЛОИИ, ф. 202, д. 21, карт. 5, лл. 58, 60, 64, 66).

¹¹ Специально для этой цели Скальковскому периодически посылались крупные чеки на многие сотни и тысячи франков. «А вы один приехали в Петербург, — писал Манташев в одном из своих писем, — или с Манон? Если оставили ее в Париже, то каковы были отношения и как расстались? ... по прилагаемой при сем карточке прошу получить из Русского банка 2000 фр., мой долг вам на подарок Манон, о котором написал вам в Париж, и другие 1000 фр. примите на подарок ей же, когда поедете в Париж» (Манташев — Скальковскому, 7 (20) марта 1902 г., ИРЛИ, ф. К. А. Скальковского, д. 8467 — XIX 64, л. 1). Можно было бы привести не одну подобную цитату, если бы корреспонденты Скальковского не пренебрегали в своих письмах соображениями элементарной пристойности и письма не были испещрены нецензурными выражениями.

кратия. Лощеный аристократ, реакционер по убеждению, чиновник, добравшийся до вершин бюрократической лестницы, многократно отмеченный царскими орденами и титулами, Скальковский в полном смысле слова был пособником иностранного капитала, в угоду которому он жертвовал интересами своей страны.

Справедливость, правда, требует отметить, что Скальковский не обходил при этом и отечественных капиталистов, наглядным примером чему были его связи с Манташевым. Отношения Скальковского с деловым миром были тщательно законспирированы. Однако со временем поползли слухи, и под угрозой разоблачения в коррупции он вынужден был оставить государственную службу.

Выйдя в отставку, этот бывший царский чиновник с головой ушел в деловые предприятия, занимая директорские посты в ряде русских и иностранных компаний. В одной из газетных статей он откровенно признавал теперь: «Я довольно близко стоял и стою к промышленным кругам, помещающим свои капиталы в России».¹²

В. И. Ленин указывал, что для эпохи империализма характерна «личная уния» банков с промышленностью, которая «дополняется „личной унией“ тех и других обществ с правительством», и далее, цитируя Ейдельса, отмечал, что банки обращаются к услугам бывших чиновников по государственной службе, «которые могут доставить немало облегчений (!!) при сношениях с властями». С этой целью они подбирают людей, «хорошо знакомых с промышленностью... особенно служивших по железнодорожному, горному ведомству».¹³ Типичным образцом такого рода отставного чиновника и был Скальковский.

Выйдя в отставку, Скальковский по-прежнему держал в центре внимания свои отношения с Ротшильдами. При этом едва ли требуется разъяснять, что успех того или иного ходатайства зависел не от одних личных связей Скальковского, но и от того, за кого он просил. Когда речь шла о Ротшильдах, царское правительство вынуждено было учитывать всю совокупность своих отношений с парижскими банкирами, через которых шло размещение русских государственных займов во Франции. Можно привести характерный факт, который относится, правда, к более позднему времени (началу русско-японской войны), когда вследствие ходатайства Скальковского Министерство финансов заявило даже о своей готовности провалить уже единогласно одобренное Особым совещанием решение о торгах Биби-Эйбатских нефтяных участков только потому, что это противоречило интересам Ротшильдов (совещание решило оставить участки за прежними владельцами, а Ротшильды пожелали присоединить их к своим владениям).¹⁴ И только

¹² Новое время, 1898, 1 ноября.

¹³ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 337—339.

¹⁴ См.: Тимирязев — Скальковскому, 13 (26) февраля 1904 г. (ЛОИИ, ф. 202, л. 21, карт. 6, лл. 260—261).

последующий отказ парижских банкиров, заявивших, что они «не придают особого значения биби-эйбатскому делу»,¹⁵ снял с повестки дня этот вопрос и сохранил в силе прежнее решение.¹⁶

Деятельность Скальковского и его пособничество иностранному капиталу находили в царской России тем более благоприятную почву, что в 90-е годы в составе правительства произошли изменения, в результате чего два важнейших экономических ведомства — Министерство финансов и Министерство земледелия и государственных имуществ — оказались в руках сторонников привлечения иностранных капиталов в Россию. Во главе первого из них в конце 1892 г. стал С. Ю. Витте, помощником и правой рукой которого являлся назначенный им директором Департамента торговли и мануфактур В. И. Ковалевский, полностью разделявший взгляды министра. Во главе второго в 1895 г. был поставлен единомышленник Витте А. С. Ермолов.

В своих письмах Скальковскому представители Ротшильдов выражали удовлетворение по поводу происшедших перемен.¹⁷ Более того, они вскоре сделали попытку привлечь Ковалевского на то же амплуа, что и Скальковского, зондируя через последнего, не согласился ли бы директор Департамента торговли и мануфактур «помочь Вам».¹⁸

Оценивая значение его связей в правительстве, Скальковского буквально осаждали различными просьбами о содействии, обращаясь как непосредственно к нему самому, так и через проживавшего в Париже его компаньона и представителя Б. Спиро, который затем пересылал эти обращения в Петербург. «Нельзя ли что-нибудь сделать для нашей финансовой группы в Министерстве финансов, — спрашивал Спиро. — Поговорите с Витте», «Французы наши очень и очень расположены что-либо предпринять... Может быть, вы что-нибудь сделаете через Министерство финансов?».¹⁹

Действуя через Витте и Ковалевского, с которыми у Скальковского были прочно налаженные отношения, он действительно, пользуясь выражением В. И. Ленина, доставлял «немало облегчений (!) при сношениях с властями». Его переписка с Ковалевским свидетельствует о том, что последний вполне оправдал высказанное Ротшильдами предположение и проявил готовность «помочь». «С особенным удовлетворением исполняю Ваше желание», «С. Ю. [Витте] согласился на удовлетворение... дела...»,²⁰ «Ваше

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, стр. 698.

¹⁷ Бэр — Скальковскому, 8 (20) августа 1892 г.; 28 декабря 1895 г. (9 января 1896 г.) (ЛОИИ, ф. 202, д. 21, карт. 3, лл. 209, 252—253).

¹⁸ Бэр — Скальковскому, 28 декабря 1895 г. (9 января 1896 г.) (там же, лл. 252—253).

¹⁹ Спиро — Скальковскому, 12 (24) и 15 (27) октября 1897 г. (ИРЛИ, ф. К. А. Скальковского, д. 8660 — XLIX 641, лл. 18, 21).

²⁰ Пропущенное не поддается расшифровке.

письмо ко мне я покажу... [председателю комиссии о тарифе на нефть Д. Ф. Кобеко] и прошу исполнить Ваше желание». ²¹ Эти строки, взятые из писем Ковалевского, едва ли оставляют сомнения в их подлинном смысле.

Что же касается Витте, то с ним у Скальковского были давние отношения, ²² получившие дополнительный стимул в тех услугах, которые Скальковский оказывал министру своими выступлениями в печати. Дело в том, что Скальковский был известен не только как государственный деятель, но и как видный журналист реакционного толка, в течение нескольких десятилетий сотрудничавший в суворинском «Новом времени». На страницах этой газеты он в конце 90-х годов поместил ряд статей, защищая проводимую Витте политику привлечения иностранных капиталов. ²³ А затем, в 1901 г., принял участие в начатой «Новым временем» полемике по поводу возможности англо-русского соглашения, выступив и на этот раз едва ли не по прямой просьбе Витте. ²⁴ Поэтому-то министр финансов и «осыпал милостями новременца Скальковского», как об этом писал один из ближайших сотрудников Витте. ²⁵

При всем этом едва ли требуется разъяснять, что личные отношения в аппарате правительства и построенное на этих отношениях персональное воздействие на того или иного, даже самого высокопоставленного, чиновника отнюдь не исчерпывали приемов, которыми иностранный капитал пробивал себе дорогу в Россию. Наряду с элементарным подкупом, как это было со Скальковским, широко использовались и самоновейшие методы финансового капитала, наглядной иллюстрацией чему были связи Ротшильдов с Петербургским международным коммерческим банком — одним из крупнейших русских банков того времени, деятельность которого была тесно связана с виттевским Министерством финансов. ²⁶ Тем не менее именно личные связи и отношения, подобные тем, которые Ротшильды поддерживали со Скальковским, всегда сохраняли свое значение. Поэтому, когда в конце 90-х годов парижские банкиры добивались через Международный банк разрешения цар-

²¹ Ковалевский — Скальковскому, 22 октября (3 ноября) 1896 г.; 29 марта (10 апреля) и 25 ноября (7 декабря) 1898 г. (ИРЛИ, ф. К. А. Скальковского, д. 8360 — XLVIII 673, лл. 1, 3, 5).

²² Сохранившаяся в личном архиве Скальковского его переписка с Витте за 1880—1887 гг. не оставляет на этот счет никаких сомнений (ИРЛИ, ф. К. А. Скальковского, д. 8207 — XLVIII 621).

²³ Ю. Б. Соловьев. Противоречия в правящем лагере России по вопросу об иностранных капиталах в годы первого промышленного подъема. В кн.: Из истории империализма в России, М.—Л., 1959, стр. 377—378, 383.

²⁴ Б. В. Ананьич. Из истории англо-русского соперничества в Персии накануне русско-японской войны (Персидский залив). Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 194, 1958, стр. 242.

²⁵ Баян [И. И. Колышко]. Ложь Витте. Ящик Пандоры. Берлин, стр. 9.

²⁶ См.: А. А. Фурсенко. Парижские Ротшильды и русская нефть. Вопросы истории, 1962, № 8, стр. 31—42.

ских властей на создание нового предприятия в России — нефтеторговой компании «Мазут» — и когда в этом встретились серьезные трудности, решено было и на этот раз обратиться к содействию Скальковского.²⁷ Как видно из переписки, вплоть до самой смерти (в 1906 г.) Скальковский оставался агентом Ротшильдов и получал от них регулярное вознаграждение.²⁸ К этому следует добавить, что в правящих верхах прекрасно отдавали себе отчет в той роли, которую играл Скальковский, и только опасаясь нежелательных разоблачений, уволили его в отставку. Комитет министров, воздавая должное «заслугам» Скальковского, назначил ему «усиленную пенсию».²⁹

Если бы сведения о взаимоотношениях Скальковского с Ротшильдами стали в свое время достоянием гласности, они повлекли бы за собой неминуемый скандал, и Скальковского пришлось бы предать суду. Однако его преступление не было преступлением одного лица. Это был порок всей системы. Поэтому царские власти сознательно покрывали действия Скальковского, фактическими соучастниками которых они являлись. Только спустя много десятилетий при разборе бумаг личного архива Скальковского удалось раскрыть неприглядную роль, которую играл этот представитель царской бюрократии, являвшийся в буквальном смысле слова платным агентом иностранного капитала.